

Дунфан молча считал дыхание Цзычэ Уци: вдох, выдох, вдох, выдох — размеренно и плавно. Он досчитал уже до пяти тысяч, и, судя по всему, Цзычэ Уци крепко спал.

Несмотря на это, Дунфан всё ещё не мог выбраться из его объятий — тот держал его слишком крепко. Кто бы мог подумать, что им двоим доведётся делить одну постель. В сердце Дунфана теснились бесконечные воспоминания: последний раз они спали так вместе, когда ему было всего пять лет.

Тогда Цзычэ Уци, наклонившись, спрашивал, почему он плачет, а он, стиснув зубы, упрямо молчал. Цзычэ Уци долго смотрел на него, так и не дождавшись ответа, а потом просто подхватил на руки и унёс в свою комнату. Только той ночью, лёжа рядом, Дунфан узнал, что тело Господина Воци вовсе не такое ледяное, как казалось на первый взгляд, а на самом деле тёплое.

Дунфан досчитал до шести тысяч. Сознание начало путаться, глаза от усталости стали тяжёлыми, и он начал проваливаться в сон. Но в этот момент снаружи раздалась чьи-то вопли. Вскоре всё вокруг пришло в хаос.

Цзычэ Уци открыл глаза, поднялся и не спеша оделся. Затем он положил книгу в нефритовую шкатулку, но закрывать её не стал.

Разбуженный криками, Дунфан открыл глаза и обнаружил, что в комнате царит непроглядная тьма — должно быть, глубокая ночь. Вспомнив слова Цзычэ Уци, он заволновался: неужели уже близится час крысы?

— Учитель! — раздался голос ученика из-за двери. — Учитель, с главой Эскортного агентства Пинцяо творится что-то неладное. Он требует встречи с вами!

— Я знаю, — ответил Цзычэ Уци без тени удивления.

Оказалось, что кричащий человек снаружи вовсе не живой мертвец, а сам глава агентства — отец того самого молодого мастера эскорта. Раньше сторож говорил, что глава слёг от горя из-за гибели сына, но, судя по силе его криков, сил у него было достаточно.

— Наглец! — прикрикнул ученик, пытаясь остановить кого-то, кто рвался внутрь.

Раздался грохот — дверь распахнулась с такой силой, что стража не смогла удержать ворвавшегося человека. Дунфан увидел седовласого старика. Тот был лишь в нижнем белье, волосы растрёпаны, лицо приобрело болезненный серо-синюшный оттенок, а сам он выглядел безумным и яростным.

— Господин Воци! Господин Воци! — вопил старик, врываясь в комнату. — Спасите меня! Помогите!

Дунфан замер. Лицо главы не просто выглядело больным — этот серый, искажённый гримасой ужаса облик означал, что его поразило ответное проклятие.

Вслед за главой в комнату вбежали женщина и молодой человек лет двадцати.

— Господин! Что с вами? — воскликнула женщина. — Господин Воци, умоляю, спасите его! Наверное, это горе по сыну так на него подействовало!

— Да, Господин Воци, спасите моего отца! — вторил ей юноша.

В этот момент в комнату бесшумно вплыл одинокий дух. Увидев безумство своего отца, он застыл в полном замешательстве.

Старик, выкрикивая мольбы о спасении, с оскалом бросился на Цзычэ Уци. Тот лишь слегка повёл рукой, словно надавливая на воздух, и старик с глухим стуком рухнул на колени. Он продолжал истошно вопить, но больше не мог подняться.

— Спасите! Почему... почему так?! Спаси меня! — хрипел старик, срываясь на визг.

Цзычэ Уци холодно ответил:

— После того, что ты натворил, никто не сможет тебя спасти.

Глава эскорта корчился на полу, его искажённое лицо выглядело устрашающе. Шум привлёк внимание остальных людей в агентстве; они сбежались на крики и увидели безумие своего предводителя. В последнее время вокруг агентства Пинцяо бродило множество живых мертвецов, и поначалу все решили, что кто-то из них прорвался внутрь. Но никто не ожидал увидеть такую картину.

— Глава? Что происходит? Его укусил живой мертвец? Что нам делать?

Толпа окружила их, но, не будучи практиками, люди лишь в ужасе наблюдали за происходящим.

Дунфан, находясь в нефритовой шкатулке, всё понял. В его душе промелькнула холодная усмешка, а затем — жалость к одинокому духу. Из-за Божественного Трактата Драконьего Панциря его собственные родители были замучены до смерти, да и его прошлая жизнь была полна лишений. Он видел, как многие гибли, пытаясь заполучить трактат или практикуя его без должных знаний.

Трактат состоял из множества свитков, но до наших дней дошли лишь некоторые. У Дунфана был первый том — в нём было мало заклинаний, но описывались условия, необходимые для

практики. Те, кто пытался тренироваться по остальным частям без этого тома, чаще всего сходили с ума или попадали под удар ответного проклятия. Как нынешний глава агентства.

— Я не виноват! Я не должен умирать! Спаси меня, Господин Воци! Я дам тебе награду! Божественный Трактат Драконьего Панциря! У меня он есть! Я поделюсь с тобой, только спаси меня! — кричал глава.

Его вид пугал даже собственных охранников. В их глазах он всегда был добрым и мягким человеком.

— Слишком поздно, — отрезал Цзычэ Уци.

— Нет! Ты можешь меня спасти! — взревел глава, но вскоре перешёл на жалобный вой.

Все увидели, как на его лице появилось чёрное пятно, напоминающее ожог. Вскоре чернота перекинулась на пальцы и шею, стремительно распространяясь по телу. В воздухе запахло палёным мясом.

— Уходите, — приказал Цзычэ Уци.

Ученики немедленно начали выводить людей. Несмотря на страх и вопросы, все поспешили покинуть комнату. Женщина и молодой человек пытались сопротивляться, но Цзычэ Уци бросил лишь одну фразу:

— У всего есть причина и следствие. Лучше подумайте, как встретить свои последствия.

От этих слов их пробрал озноб, и они, побросав главу, в ужасе бросились наутёк. Дверь захлопнулась. В комнате остались лишь Цзычэ Уци, одинокий дух и Дунфан в шкатулке.

Глава агентства теперь напоминал кусок угля, из которого на мир смотрели лишь полные злобы глаза. Он вдруг затрясся в истерическом смехе:

— Цзычэ Уци, даже после смерти я отомщу тебе!

— Многие говорили мне это, — ответил тот.

Дунфан вспомнил, что сам когда-то кричал ему те же слова, будучи безумным от жажды мести.

— Но от тебя не останется даже души, — спокойно добавил Цзычэ Уци. — Чем ты собираешься мстить?

Он взмахнул рукой, и глава агентства вспыхнул, как факел. Через мгновение от него не осталось даже пепла. Запах гари исчез, словно человека никогда и не существовало.

В комнате воцарилась тишина. Цзычэ Уци повернулся к одинокому духу:

— Твоя месть свершилась.

Дух стоял неподвижно, с опустошённым лицом.

— Убийца... это был мой отец... — прошептал он.

После смерти матери глава эскорта был единственным родным человеком для юноши, и тот никогда не подозревал, что отец желает ему смерти. На самом деле, его сводный брат тоже хотел его убить и призывал живых мертвецов, но в тот день, когда молодой мастер эскорта отправился в путь, его убил собственный отец, позарившись на свиток Божественного Трактата Драконьего Панциря, спрятанный в ящике. Он хотел бессмертия, но вместо этого обрёл лишь проклятие.

Цзычэ Уци посмотрел на духа:

— Иди к перерождению. Боль этой жизни не перейдёт в следующую.

— Спасибо, — тихо сказал одинокий дух.

В этот момент в дверь постучали. Ученик сообщил о срочном деле. Цзычэ Уци взглянул на духа и вышел. Ученик что-то прошептал ему, и на лице мастера отразилась тревога. Он поспешно ушёл, даже не закрыв дверь.

Дунфан почувствовал холодный ночной ветер.

— Ты хороший человек, — вдруг произнёс одинокий дух, обращаясь к шкатулке.

Дунфан опешил. Дух подплыл ближе:

— Ты хороший человек, и заслуживаешь лучшего. Когда ты вселился в меня, я увидел твоё прошлое.

Дунфан пришёл в ярость — он не хотел, чтобы кто-то копался в его памяти.

— Я собираюсь переродиться, — продолжил дух. — У меня осталось немного духовной силы, возьми её, тебе она нужнее.

Дунфан остолбенел: этот дух был настолько простодушным, что неудивительно, что он погиб от рук собственного отца.

— Меньше болтай, — буркнул Дунфан. — Отдавай силу, пока время не вышло.

Дух кивнул, и Дунфан почувствовал, как в него перетекла крупица силы — ничтожная, но способная помочь в трудную минуту.

— Я ухожу. Прощай, — сказал дух.

Дунфан помедлил и ответил:

— Иди. Прощай.

Дух начал медленно удаляться, и Дунфан вдруг почувствовал странную печаль. Но вскоре дух вернулся и заглянул прямо в шкатулку:

— Забыл сказать, Господин Воци — тоже хороший человек. Почему ты не попросишь его о помощи? Он точно поможет.

Дунфан промолчал. Дух исчез.

«Попросить Господина Воци о помощи? Тогда уж сразу на перерождение», — подумал Дунфан.

Он решил испытать свою новую крупицу силы и подсмотрел за Цзычэ Уци. В воздухе возникло призрачное изображение: Цзычэ Уци стоял перед раненым учеником.

— Учитель... Секта Тридцати Шести Небесных Врат разграблена, — говорил ученик. — Я не смог найти тело Господина Дунфана... А ещё... меня устроили в засаду...

Дунфан замер. Секта Тридцати Шести Небесных Врат разграблена? Это невозможно! Но хуже того — ученик добавил:

— Я слышал... тело Господина Дунфана... расчленили...

У Дунфана потемнело в глазах. Вот почему он не мог вернуться к нормальной практике — его тело было уничтожено. В его душе вскипела ярость. Кто мог прорвать барьеры секты? Только предатель.

В призрачном видении Цзычэ Уци, обычно невозмутимый, в ярости ударил по столу, разнеся его в щепки.

— Сюнь Юйци, оставайся здесь и лечись, — приказал он, готовясь к отбытию.

Дунфан обратил внимание на раненого ученика, лежащего на кровати. У того были бледное лицо, светлые губы и невероятно живые, ясные глаза. Он выглядел настолько невинно, что Дунфан на мгновение подумал, будто И Юй жив.

Но И Юй был мёртв. Это был кто-то другой.

<http://bllate.org/book/18938/1855718>